

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

О.В. АФАНАСЬЕВА

Открытое государство как институт устойчивого развития

Автор представляет очерк теории и истории открытого государства, которое понимается как институциональная система поддержания социального развития.

Ключевые слова: открытое государство, информационная открытость, прозрачность и подотчетность, устойчивое развитие.

The author introduces the study of theory and history of open state, understanding by this the institutional system for sustention the social development.

Keywords: open state, information openness, transparency and accountability, sustainable development.

Цель настоящей статьи – прояснение взаимосвязи социальной открытости государства и социального развития. Гипотеза состоит в том, что институциональным условием и решающим фактором *устойчивого*, или *поддерживаемого*, развития (*sustainable development*) выступает *открытое государство*.

На мой взгляд, *устойчиво-поддерживаемое развитие* следует понимать не как некую готовую к употреблению и тиражированию модель, но как целевую установку социального взаимодействия, в том числе государственного управления, которая акцентирует необходимость постоянного учета основных (экологических, экономических, социально-политических) рисков человеческого развития¹.

Под *открытым государством* я понимаю такое государство, которое соединяет авторитет с социальной открытостью, поддерживая их эффективный институциональный синтез.

Открытость, развитие, государство

Эволюция вида *Homo sapiens* и развитие человечества коррелируют с информационной открытостью человеческих существ и их сообществ. Эта корреляция обусловлена тем, что люди достигают экологической стабилизации своего существования

---

¹ В более широком социально-антропологическом контексте фундаментальная взаимосвязь развития и открытости рассмотрена в [Афанасьева, 2012^a].

Афанасьева Ольга Валентиновна – кандидат политических наук, доцент кафедры интегрированных коммуникаций Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики.

посредством социально-ментальной сложности, аккумулятором которой выступает культура. Генезис *Homo sapiens* сопряжен с усложнением социальной структуры и представлений (брачные обмены родов, табу на инцест, системы родства) и с новым качеством информационной открытости – развитой речью. Становление цивилизации представляет собой следующее радикальное усложнение человеческой жизни и скачок информационной открытости: синтез социальной разнородности – этнической и профессионально-корпоративной – в городах, революционное развитие культуры на основе письменности.

Информационная открытость не есть абсолютное благо: она противоречива по своей природе и социальным последствиям. Постоянный вызов существующим социальным структурам и представлениям всегда чреват социально-ментальным кризисом. Люди воспринимают открытость как экзистенциальную угрозу, поскольку она дестабилизирует человеческое существование. Однако, провоцируя кризисы и грозя гибелью человеческим сообществам, информационная открытость выступает фактором человеческого развития. Как показывает опыт, природная изоляция или эконополитическая стабилизация через гипертрофию закрытости оборачиваются дефицитом способности к развитию и снижением внешней конкурентоспособности.

Устойчивость в развитии предполагает синтез инноваций и традиции, открытости и авторитета. Способность сообщества к такому синтезу представляет собой институционально закрепляемый и поддерживаемый социальный капитал – ключевой фактор поступательного социального развития. Таким образом, *синтез авторитета и социальной открытости* можно рассматривать в качестве генеральной функции и критерия эффективности социальных институтов.

Основы цивилизации – развитое земледелие, общественное разделение труда, частная собственность, торговля и деньги, право и суд, специализированные знания и письменность – в отсутствие больших государств сложились в храмовых городских общинах. Переход к цивилизации был сопряжен с ростом индивидуализма, имущественной дифференциацией и ослаблением племенной солидарности, соседскими войнами общин за землю и нашествиями воинственных кочевых племен. Этот системный социальный кризис вызвал появление новой, государственной, формы социальной организации. В научной литературе сословно-кастовое государство, появившееся в первых цивилизациях и получившее мировое распространение, нередко называется “развитым”. Тем самым подчеркивается его эволюционное превосходство над “примитивными” городскими общинами. На мой взгляд, такое определение глубоко ошибочно и должно быть пересмотрено.

Большие надобщинные государства Древнего мира, возникшие в процессе геополитической конкуренции и эконополитической стабилизации, брали на себя функцию воспроизводства социального порядка в условиях смешения племен. Преимущество имели те государства, которые концентрировали больше людских и материальных ресурсов, а для этого обеспечивали более или менее цивилизованный порядок в социальном пространстве. Масштаб – ключевое слово. Историческая миссия государств состоит в масштабировании социального порядка и сохранении цивилизации.

Служившие мировым образцом “цивилизованные” государства закрепляли информационный и политический разрыв – монополизацию сакральной социальной власти знатью. Институционально-сословное устройство государств-гегемонов Древнего мира на протяжении примерно двух тысячелетий было однотипным: храмовые общины с властвующим жречеством, армия (аристократия на колесницах и простонародье в пехоте), бюрократия и верховенствующая над ними царская власть. Как показывает исторический опыт, такая политическая организация способна обеспечить иерархический порядок на огромных территориях и колоссальную концентрацию ресурсов, культивируя при этом абсолютизм и сакральную закрытость государственной власти. Десоциализацию власти и отчуждение властвующих сословий усугублял ксенократический характер большинства сменяющих друг друга государств.

Казалось очевидным, что сословная иерархия – залог державной мощи и устоя цивилизации. Но закрытые иерархические государства неизменно обнаруживали низкую способность к развитию². Дефицит поддерживаемого развития предопределил цикличность социальной эволюции: если не было нашествия завоевателей, то перенаселение страны все равно оборачивалось экосоциальной катастрофой. Неизбывность, с которой божественное величие превращалось в немые руины, наглядно показывает, что закрытые иерархии власти – тупиковая форма эволюции. Задачу сохранения и развития человеческой цивилизации выполнили другие государства.

Институционализация открытости – Китай

Во всемирно-историческом круговороте сменяющих друг друга народов и государств исключительный пример преемственности представляет собой четырехтысячелетняя история Китая. Либеральная Европа давно сформировала представление о китайской государственности как о “восточном деспотизме”. Этому стереотипу как нельзя лучше соответствовал лозунг Мао Цзэдуна о соединении заветов Маркса и основателя китайской империи Цинь Ши-хуанди. Именно в традиционном деспотизме западная общественная мысль видела причину упадка китайской цивилизации. Однако историческая наука свидетельствует о долговременном мировом лидерстве китайской цивилизации, а начатые Дэн Сяопином великие реформы доказали ее жизнеспособность. Если закрытое иерархическое государство представляет собой “матрицу” китайской истории, то не являются ли ее исключительная преемственность и современные успехи Китая аргументами в пользу деспотической политической традиции?

Как будет показано ниже, “матрица” китайской истории гораздо сложнее, противоречивее и уж точно не сводится к закрытому государству. На мой взгляд, государственный опыт китайской нации интересен как раз не деспотизмом, но своим подходом к институционализации открытости и поддерживаемого развития.

Рассматривая генезис китайской цивилизации и государственности, следует отметить отсутствие храмовых городов-государств и властвующего жреческого сословия. В то время как жителям Двуречья и долины Нила были необходимы большие коллективы для поддержания ирригационных систем, в долине Хуанхэ земледелие в основном было суходольным, и крупных ирригационных систем еще не существовало [Нефедов, 2008, с. 157]. В описаниях Золотого века Пяти Императоров и первой династии Ся можно увидеть институциональные основы и культурные образцы китайской цивилизации:

– правитель был в первую очередь жрецом, а не воином [Фицджеральд, 1998, с. 38]. Притом единственным жрецом: Сын Неба был единственным, кто мог осуществлять жертвоприношения Небу и Земле и совершать ритуал открытия сельскохозяйственного года, пропахивая ручным плугом борозду на территории Храма Неба;

– древние тексты подчеркивают не только статус, но и личную ответственность правителя. Небу не может служить тиран или развратный человек, жертвоприношения такого правителя бесполезны, божественная гармония разрушается, и гнев Неба проявляется в катастрофах [Фицджеральд, 1998, с. 39];

– Пять Императоров Золотого века не основали династии: владыки не передавали трон своим детям, считая их неподходящими для миссии правителя. Родоначальник династии Ся Юй передал власть своему министру, но народ возвел на трон его сына из почтения к деяниям Великого Юя, который 30 лет осушал страну после потопа, ни разу не вступив в собственный дом, пока не закончил все;

– доктрина “Небесного мандата” не обожествляет правителя и даже легитимирует свержение недобродетельных императоров. Летописный свод описывает вырождение династий: последний, свергнутый, представитель каждой династии оказывается

---

² Имманентная тенденция государства к закрытости и связанный с нею дефицит развития рассмотрены в [Афанасьева, 2012⁶].

деспотом, чья несправедливость вызывает ненависть людей и лишает его “Небесного мандата”. Таким образом, китайская письменная традиция предъявляет наглядный урок истории и задает не теологические, но *социальные* критерии легитимности правления.

Высокий удел царя отвечать жизнью за благополучие сообщества – общераспространенный первобытный институт [Фрэзер, 1998]. Подчеркивание личной нравственной ответственности императора за общую гармонию – явно архаическая черта, свидетельствующая о традиционализме китайской культуры. Но именно этот архаизм, переосмысленный и закрепленный в конфуцианстве, стал важным элементом того социального механизма, который поддерживает развитие китайской цивилизации.

В середине II тыс. до н.э. в долину Желтой реки из Великой степи вторгаются индоевропейские пастушеские племена на боевых колесницах [Васильев, 1983, с. 179–180]. На полтора тысячелетия растянулась череда сменяющих друг друга ксенократических династий: Шан, Джоу, Цинь. Завоеватели перенимают китайский язык и культуру, но оказывают определяющее влияние на социально-политический строй. Устанавливается жесткое сословное разделение: потомки завоевателей селились в городах-крепостях и называли себя “сто родов”, “байсин”, а покоренных – “народ-скотина”, “чуминь” [Фань Вэнь-лань, 1958, с. 52]. Крестьяне, жившие в деревенских общинах, обрабатывали “общие поля” в пользу князей-“ванов”. Чжоуские ваны выделяли своим родичам и главам знатных родов уделы, владельцы которых в случае войны приводили свои дружины. Историки нередко называют общество Чжоу феодальным.

В VIII в. до н.э. государство Чжоу распалось – началась “Эпоха множества царств”, “Лего”. В воюющих, конкурирующих, перенимающих опыт друг друга княжествах происходил социальный синтез. В середине VII в. до н.э. в княжестве Ци отработки на “общих полях” были заменены уплатой поземельного налога. В середине VI в. до н.э. в княжестве Чжэн аристократический клан Цзы возглавил движение горожан против знати. Предводитель клана Цзы Чань, став первым министром, конфисковал земли аристократов и раздал их крестьянам, объединил крестьянские семьи в пятерки, связанные круговой порукой [Переломов, 1981, с. 46]. В 536 г. до н.э. Цзы Чань приказал отлить бронзовый треножник “Синшу” с текстом кодекса законов. До тех пор знать решала судебные дела по своему произволу. Это была революция. “Когда законы станут известны всем, люди перестанут бояться старших, – писал один из сановников. – Если правда и неправда будут определяться только по кодексу законов, то как же старшие и высшие будут осуществлять правление?” [Фань Вэнь-лань, 1958, с. 161].

В V в. до н.э. пять могущественных царств из рыхлых феодальных образований превратились в самодержавные монархии. Распространению инноваций Цзы Чаня способствовали советники, принадлежавшие к школе легистов. Цзы Чань заменил в княжестве Чжэн удельные владения системой уездов, в которые назначались сменяемые чиновники, получавшие фиксированные оклады. Главным ноу-хау легизма стало назначение чиновников не по происхождению, а *по заслугам*, что открывало дорогу людям из простонародья. К началу IV в. до н.э. было уничтожено большинство знатных родов и упразднено большинство наследственных пожалований. С тех пор государство в Китае опиралось не на крупное аристократическое землевладение, не на храмовые хозяйства, как на Ближнем Востоке, а на налоговую систему [Нефедов, 2008, с. 157].

Процессы VI–IV вв. до н.э. можно назвать *национальным возрождением*. Ксенократия знатных родов была заменена традиционной моделью единого сообщества во главе с царем-жрецом. Китайский ренессанс отмечен интеллектуальным подъемом “ста школ”. На национальную политическую традицию Китая самое большое воздействие в итоге оказали легизм и конфуцианство, которые, вероятно, этой традиции более всего и соответствовали. Легисты проповедовали самодержавие и “поощрение земледелия”, равенство всех перед законом и круговую поруку. Конфуцианцы обличали порчу нравов и призывали вернуться к изначальной добродетели, адресуя этот призыв не в последнюю, а в первую очередь императору.

Утвердившаяся в “Эпоху сражающихся царств”, “Чжанго” (V–III вв. до н.э.), легистская бюрократия стала внедрять методы *государственного регулирования*. Были созданы первые большие ирригационные системы. Осваиваемые земли раздавались в наделы крестьянам. В царстве Вэй министр Ли Куй ввел порядок, по которому зерно закупалось у крестьян в урожайные годы и продавалось им по низким ценам в годы неурожая [Фань Вэнь-лань, 1958, с. 229]. Ученые-чиновники курировали освоение и развитие металлургии железа: создание высокотемпературных плавильных горнов позволило получать чугун; в государственных мастерских было налажено производство дешевого сельскохозяйственного инвентаря для крестьян и оружия для массовых армий “сражающихся царств”. С появлением плуга с железным лемехом получила распространение пахота на волах. В период “Чжанго” были вырублены леса, осушены болота, распаханно Лессовое плато. По оценке Э. Кульпина, расширение экологической ниши позволило на время решить земельную проблему, обеспечить крестьян землей, остановить эко-демографическое сжатие [Кульпин, 1990, с. 49–50].

Государственные идеи и практики эпохи национального возрождения пережили деспотические эксцессы объединителя Поднебесной Цинь Ши-хуанди, катастрофу рубежа III–II вв. до н.э., рефеодализацию начала эпохи Хань и, вдохновив реформы императора У-ди, стали основой той модели, которую можно назвать китайским абсолютизмом. Ряд исследователей не без оснований считают эту модель *фундаментальным открытием*, намного увеличившим политическую и военную мощь китайского государства [Крил, 2001, с. 13].

Роль государственного управления в развитии Китая трудно переоценить. Во II в. до н.э. император У-ди провел сельскохозяйственную колонизацию севера и юга страны: миллионы поселенцев обеспечивались землей, семенами, инвентарем и рабочим скотом; специальные ведомства отвечали за увеличение продуктивности земледелия, выравнивание цен, внедрение трехпольной системы и большого плуга, в который впрягали двух быков [Очерки... 1959, с. 73]. В XI в. при министре-реформаторе Ван Ань-ши правительство мобилизовало массы крестьян и солдат на постройку каналов и плотин, внедряло технологию заливного риса, запретив землевладельцам брать арендную плату со второго урожая [Очерки... 1959, с. 299–302]. Таким образом, государство целенаправленными усилиями радикально увеличивало емкость экологической ниши и предотвращало кризисы перенаселения.

Следует отметить традиционную открытость миру и восприимчивость китайских властей к инновациям. Вспомним прокладку Великого шелкового пути на Запад во II в. до н.э., великие экспедиции адмирала Чжан Хэ по Индийскому океану в начале XV в., перенимание и совершенствование металлургии железа, копирование военных технологий кочевников, культивация вьетнамского заливного риса.

Способность китайцев поддерживать развитие нельзя объяснить, сводя китайскую государственность лишь к бюрократии. К тому времени как она возникла в Китае в середине I тыс. до н.э., бюрократия существовала в мире уже несколько тысячелетий. В разных странах результаты ее функционирования были далеко не всегда позитивны. Без этого слоя невозможно наладить многофункциональное государственное управление, тем более в большой стране. Однако бюрократия, даже с должностными инструкциями и фиксированным жалованием, вовсе не гарантирует устойчивого развития и сама порождает массу проблем: волокиту, формализм и неэффективность, искажение информации об объекте и результатах управления, апроприацию должностной власти чиновниками и корпоративный паразитизм.

Перекрестные проверки и личные инспекции императора могут быть действительными лишь при наличии политической воли первого лица и обеспечении неотвратимости наказания. Но каковы гарантии такой воли и такого порядка? К тому же жесткий контроль сверху не гарантирует адекватности верхнего контролера интересам общества. Классический пример – Цинь Ши-хуанди, параноидный деспотизм которого обесценил его же выдающиеся достижения, доведя страну до катастрофы.

Особенностью административной модели, созданной в эпоху Лего, было закрепление легистского принципа “выдвижения по заслугам” в качестве *базовой нормы* функционирования государственной бюрократии. Такой нормы не было ни в древних государствах Ближнего Востока и Египта, ни в странах ислама, ни в феодальной Европе. Указанная норма связана с более широким *социальным контекстом*. В эпоху национального возрождения начался переход к *бессловному* бюрократическому государству, который завершился уже в рамках Китайской империи ликвидацией феодальных титулов и крупного землевладения, освобождением рабов, закреплением *экзаменационной системы* при поступлении на государственную службу.

Таким образом, государственная служба в Китае еще до нашей эры стала принципиально открытой для всех одаренных подданных Поднебесной, что создавало относительно широкие возможности вертикальной мобильности. О том, что меритократический принцип в бюрократии может быть не пустым звуком, свидетельствует высокий КПД многих государственных начинаний и память о талантливых министрах и советниках, которые во многом делали китайскую историю.

Отсутствие сословной замкнутости, открытость для выходцев из разных мест и социальных групп определяют сравнительно высокую *проницаемость* бюрократии для информации о состоянии общества в его реальной сложности. Такая информационная проницаемость – важная предпосылка *обратной связи* между государством и социальной макросистемой. Однако действенная обратная связь, без которой невозможна реальная социальная открытость, предполагает не только информационную проницаемость, но и *восприимчивость* государства к социальной информации, его готовность реагировать, корректируя план деятельности.

Бюрократия как таковая не является институтом обратной связи, то есть обладает слабой восприимчивостью к социальной информации. Это как раз и определяет принципиальную недостаточность данного социального слоя при всей его функциональной необходимости для формирования и функционирования *государства развития*. Почему же тогда китайская бюрократия демонстрировала и продолжает демонстрировать относительно высокую способность поддерживать развитие?

Следует обратить внимание на содержание и особую роль конфуцианского канона, который на протяжении более двух тысяч лет определяет *этнос государственной службы* в Китае. Во всех интерпретациях конфуцианское учение неизменно стремилось к пробуждению в людях чувства стыда за попорченную древнюю добродетель, а для исправления мира требовало от подданных сыновней почтительности к старшим, от властителей – справедливости и гуманности, от ученых и чиновников – заботы о социальной гармонии. Таким образом, конфуцианство учит преданности младшего старшему, но выше личной преданности правителю оно ставит верность традиционному идеалу добродетели, которую рассматривает как высший долг человека и должностного лица.

Со II в. до н.э. экзамены на занятие государственной должности предусматривали написание сочинений на темы конфуцианских канонов, поэтому каждый чиновник был носителем конфуцианской доктрины. Соблюдение нормы, конечно, зависит от социальных условий, и часто норма превращается в мертвую букву. Так было и в Китае, но конфуцианская доктрина оставалась значимым культурным образцом. Злоупотребления нередко вызывали противодействие “чистых чиновников”, подававших петиции, устраивавших демонстрации, воздействовавших на общественное мнение путем неофициальной критики – “чистых суждений” [Малявин, 1983, с. 86–88]. Повторяемость событий свидетельствует, что “обычай судить об истинном и ложном в управлении” стал частью “этического кода” нации.

Итак, способность китайского государства поддерживать развитие определяется не бюрократией как таковой, а соединением традиционного авторитета с открытостью государства. Именно этот синтез обеспечивает жизнеспособность китайской государственности в целом. Открытость императорской бюрократии зиждилась на традиционной культуре государственного общегия. Сильной стороной его было глубокое

укоренение в национальном характере, слабость же – в *дефиците институциональных гарантий* действенной обратной связи.

В эпохи национального возрождения, освободительных войн и победы народных движений происходили очистительные реформы, питаемые традицией и дающие импульс развитию. По мере замыкания и “ожирения” власти нарастало отчуждение государства от общества, быстрое разложение дворцовой знати и бюрократии вело к системной коррупции и классовому паразитизму. Государственный застой переходил в кризис, который в отсутствие адекватных институтов обратной связи заканчивался социальной катастрофой: кровавыми бунтами, междоусобными войнами, иноплеменными завоеваниями. С новой династией история повторялась.

Разложение государства при маньчжурской династии было особенно разрушительным ввиду необходимости модернизации и обостряющейся конкуренции с Западом. Маньчжурский режим оказался неспособным обеспечить китайский вариант реставрации/революции Мэйдзи. В результате вместе с династией погибла империя. На смену Китайской империи пришла Китайская народная республика. Начался противоречивый и драматический *синтез* китайской государственной традиции и западной государственной формы – республики. Этот синтез пока далек от завершения.

Институционализация открытости – Европа

Рассматривая культурный взрыв в европейской, греко-этрusco-италийской части Средиземноморья и возникновение здесь государственности нового типа, следует отметить крайний, запаздывающий-догоняющий характер этой цивилизации. Возможно, с запаздыванием и связан необычный результат происшедшего здесь социального синтеза.

Нашествие индоевропейских племен в XVIII в. до н.э. не принесло фундаментальных политических инноваций: на Ближнем Востоке по образу и подобию древних держав Междуречья возникли царства Хеттов и Митанни; в Индии и Китае утвердились сословные ксенократии; на берегах Эгейского моря ахейцы копировали дворцово-храмовую организацию Минойской (Критской) цивилизации. Следующая волна племен, нашествие дорийцев, погрузила Эгейский мир в “темные века” повторной варваризации. Гомеровское общество, по сути, не знало сложившегося государства; племена возглавлялись “басилевсами”, власть которых ограничивалась советом старейшин и народным собранием: например, решая, предоставлять ли Телемаку корабль и гребцов для поисков Одиссея, собрание не дало корабля царевичу [Борухович, 1982, с. 72].

Обусловленный характером расселения кантональный партикуляризм [Виппер, 1995, с. 17–32] и постоянные соседские войны способствовали сохранению у греков общинных порядков. В то же время прибрежные кантоны поддерживали активные коммуникации друг с другом и с центрами цивилизации в Египте, Финикии, Вавилоне [Яйленко, 1989]. Цивилизация греков складывалась не из центра, а по окружности, что свидетельствует о зависимости от соседних цивилизаций [Боннар, 1992, с. 139].

Греки, а за ними этруски и римляне охотно и быстро учатся, заимствуют технологии, знания, монетные деньги, но не государственную организацию. Они упорно держатся за свою “политическую отсталость” – родоплеменную традицию. Эта традиция еще жила, когда попавшие на ее почву инновации дали импульс “воссозданию народа”, то есть реформированию общины. Решающими представляются два заимствования: металлургия железа и алфавитное письмо. Быстро освоенная металлургия железа позволила грекам создать тяжелую пехоту – фалангу, что повысило военную, а затем и политическую роль демоса. Схожие процессы укрепления военной организации и политического статуса плебса наблюдаются в ранней истории Рима. Усовершенствованное греками алфавитное письмо, более легкое в обучении, превратило грамотность из элитарного таинства в массовую культуру. Общедоступными стали литература, знания, законы – их запись в Греции и Риме, производившаяся по требованию народа, утверждала публичный характер права.

Реформирование общины в VIII–VI вв. до н.э. происходило в контексте колонизации, посредством которой греки решали проблему перенаселения. Колонизация усугубила племенную чересполосицу, разнородность населения в городах и “агональный” (соревновательный) характер общественной жизни. Сложился единый и при этом внутренне дифференцированный культурный мир, что способствовало информационному обмену и культурному взрыву.

В отсутствие больших ирригационных систем греческие и италийские кантональные общины обходились без коллективных и централизованных храмовых хозяйств. В Греции и Риме, в отличие от Междуречья и Египта, не сложилось могущественного жреческого сословия, монополизировавшего сакральную, экономическую и политическую власть. В менее жесткой социальной структуре дифференциация функций социальной власти шла быстрее, а возрождение-реформирование общинной традиции превратило жрецов в разновидность выборных городских магистратов. Без экономической, судебной и военной власти государственное значение жречества неуклонно снижалось. В то же время военные вожди и городские начальники без жреческих функций уже никогда вплоть до римских императоров (которые стали копировать восточных царей) не имели религиозного статуса.

Менее жесткая социальная структура – отнюдь не абсолютное благо. Переход к цивилизации везде отмечен типовыми конфликтами: долговая кабала соплеменников (кабальная ипотека земли и долговое рабство); налоговое и военное бремя простонародья при монополизации власти аристократией; рост числа обывателей-инородцев, не включенных в общинные – родовые и квазиродственные – системы социальной власти и защиты. В ответ на эти вызовы возникло сословное государство, жестко закреплявшее социальное состояние людей, родов, профессий. Отсутствие такой стабилизирующей организации и относительная структурная мягкость греческих и италийских общин вели к постоянной борьбе за власть, нередко переходящей в гражданскую войну. При этом греки и италийцы энергично создавали социальные ячейки искусственного родства (филы и фратрии, гетерии, клиентелы), которые выполняли либо опосредовали официальные деления и функции [Кнабе, 1994, с. 214–216; Кофанов, 1998, с. 42]. Однако и это не спасало от нарастания социальных конфликтов.

Ответ по принципу “община умерла, да здравствует община!” – может казаться традиционалистской реакцией, но на деле составлял фундаментальную инновацию. Традиционная община была системой господства знатных родов, сосредоточивших в своих руках сакральный авторитет, военную мощь, контроль над землями и управление делами. Статус простонародья, состоявшего из захудалых семей и потомков покоренного местного населения, колебался в разных кантонах от положения общинных крепостных до неполноправных общинников, а поздние “приселенцы” не могли приобрести землю и участвовать в общественном управлении. Реформы, движимые пафосом воссоздания древней правды, на самом деле синтезировали новое общество.

В греческих полисах и в Риме старый родовой порядок был замещен новым гражданским порядком: изменения в наследственном праве подрывали мощь родов, обращение сограждан в рабство за долги запрещалось, гражданские права закреплялись за всеми налогоплательщиками и участниками ополчения, территориальная организация граждан сменяла родовые и квазиродственные структуры в качестве основы общежития. Реформы афинских арбитров Солона (594 г. до н.э.) и Клисфена (509 г. до н.э.), римского царя Сервия Тулия (сер. VI в. до н.э.) стали культурным образцом античной, а затем европейской цивилизации.

Государственность в античной цивилизации торжествовала через утверждение принципов гражданской общности (*union civilis*), верховенства закона и публичности, которая, как позже сформулирует И. Кант, является имманентной формой права. Важно, что для греков и римлян эти принципы определяли одновременно идею государства и идею патриотизма, ибо рассматривались как устои национальной самобытности. Это хорошо выражено в “Надгробной речи” Перикла во славу павших сограждан: “Для нашего государственного устройства мы не взяли за образец никаких

чужеземных установлений. Напротив, мы скорее сами являем пример другим, нежели в чем-нибудь подражаем кому-либо” [Фукидид, 1981, II.31.1.].

У Аристотеля *греческое* понимание государственности – идея полиса – выступает уже как определение цивилизованного существования вообще. Вынесение Египта и Персии, наследовавшей Ассирии, за рамки истинной цивилизации выглядит явным националистическим перефразом. Похоже, однако, Аристотелю удалось разглядеть парадоксальный ход всемирной истории. Как бы то ни было, аристотелевское толкование цивилизованного общежития как гражданского союза, а последнего как энтелехии политической природы человека, как воплощения “естественного права” стало принципом европейской культуры.

Гражданский публично-правовой союз – это открытое государство, основанное на участии граждан. Без энергии общего участия гражданский союз не может существовать. Данное понимание лежало в основе знаменитого закона Солона, согласно которому афинянин, который во время междоусобных раздоров не примыкал ни к одной из сторон, лишался гражданских прав. И тот же закон выражал фундаментальную проблематичность полиса: гражданское участие всегда конфликтно. Публично-правовой союз – социальная организация, в рамках которой общественные противоречия не подавляются, а наоборот, предъявляются и дебатированы. При этом “золотая середина” остается философским идеалом, а конфликт – социальной реальностью.

Все же главную угрозу для античной цивилизации составляли не издержки открытости, а совсем иные риски, связанные с *корпускулярной* природой античной гражданской общины, которая основывалась на жестком, антагонистическом разделении граждан и неграждан. Общинная корпускулярность имела ряд существенных проявлений и следствий. Во-первых, *рабовладение*, подпиравшее экономику и культуру полиса, поставило в его стенах троянского коня смертельной вражды. Во-вторых, непрерывная *междоусобица* полисов создавала большие геополитические риски, снятые лишь с поглощением полисов имперской государственностью македонян и римлян. В-третьих, жители италийских и греческих полисов, поглощенных Римом, становились *негражданами* в имперской республике – италики получили римское гражданство только после ожесточенной гражданской войны на исходе республиканской эпохи, а греки обрели его уже со всеми подданными Римской империи в 212 г. В-четвертых, растущая многочисленность и пространственная дисперсия римского гражданства вызвали *институциональный кризис* римской городской республики, основанной на собраниях и голосовании граждан в куриях Рима.

Общеизвестная периодизация имперской истории Древнего Рима такова: пик могущества в I–II вв.; системный кризис в III в.; упадок и падение в IV–V вв. Может показаться, что Римская империя повторила судьбу многих других: накопление мощи, окостенение, гибель. Действительно, в прогрессирующей неспособности Западной империи справиться с давлением варваров ключевую роль сыграли такие факторы, как сверхконцентрация земли и власти у высшей аристократии, уходившей от налогов, немощь крестьянства и угасание патриотизма. Однако на Востоке, где землевладение было более равномерным, средние классы и крестьянство – более мощными, а государственное управление – не столько аристократическим, сколько бюрократическим, государству удавалось поддерживать эффективное налогообложение, городское самоуправление и общественный порядок [Джонс, 1997]. Восточная Римская империя продемонстрировала удивительную долговечность и конкурентоспособность, до 1204 г. она оставалась самым богатым, урбанизированным и просвещенным обществом Европы (см. [История... 1992, ч. 1, гл. 2; Лидов, 2010]).

Миссия Римской империи не исчерпывалась геополитическим господством и социальной стабилизацией: она передала образующимся нациям Европы и еще долго поддерживала на имперском Востоке импульс *цивилизованного развития*. Многие державы господствовали и накапливали богатства, но не могли стимулировать и поддерживать устойчивое развитие. Отличие исторического результата связано с характером социальных структур и представлений (городское самоуправление и социальный

капитал микросообществ горожан; представление о государстве как общем деле, *res-publiке*; возможность легального восхождения на императорский трон выходцев из разных социальных групп и разных провинций; доступность военной и гражданской службы для граждан любого происхождения).

Существенное отличие *Pax Romana* от множества иных держав, включая обладавших правильной государственной организацией и специализированной бюрократией, состояло в относительно большей степени *открытости государства*. Эта открытость, присущая созданной греками и римлянами *гражданской* форме общности, была сохранена в институциональном строе и представлениях гражданского общества Римской империи. Именно открытость государства обусловила *поддерживаемое цивилизованное развитие* античной и современной Европы, ставшее всемирно-историческим вызовом и культурным образцом.

Государство развития – это открытое государство

Проведенный институциональный исторический анализ подтверждает взаимосвязь социального развития и открытости и позволяет выделить *критерии* открытого государства. Эти критерии определяют существенные стороны *качества государства*, позволяющие выдерживать и удерживать внутреннюю нестабильность и противоречивость социального развития, то есть обеспечивать “устойчивое” развитие.

Опыт показывает, что большей способностью продуцировать и поддерживать развитие обладает общество с большей внутренней сложностью и многообразием связей, пониманием инаковости, готовностью к сравнению и соревнованию – при условии поддержания в этом обществе необходимого уровня солидарности и социального авторитета. Осознание этой закономерности позволяет сформулировать “техническое задание” для *государства развития*. Речь идет о государстве, которое может сочетать обеспечение солидарности и авторитета с большей *открытостью*: а) для интериоризации социально-культурной и, следовательно, политической сложности; б) для усложнения системы разделения труда без закрепления информационных разрывов, кастовой корпускулярности и сословной иерархии; в) для внешних информационных и социальных обменов.

В концептуальном плане синтез социального авторитета и открытости полагает принцип *поддержания социальности* государства. С учетом того, что государству имманентно присуща тенденция к отчуждению и закрытию от общества, принцип поддержания социальности неизбежно предполагает политическую борьбу и требует целенаправленной преобразовательной деятельности.

Осуществление указанного принципа – воссоздание социальной природы государства – требует институционального закрепления и реформирования “*политической*” *идеологии и структуры* государства. Практически это означает осознание высшей ценности и актуальности сохранения социальной общности при исключении частной монополии на выражение духа, идеи и интересов социальной общности. Вот почему открытое государство исторически возникло там, где отсутствовала либо была устранена религиозная монополия жрецов. В таких обществах сакральным оставался социальный мир как целое – род, племя, народ, город-государство, а жрецы, цари, императоры воспринимались как служители социального культа, но не как источник сакральной социальной власти.

Сохранение социального мира в качестве *религиозной* цели фокусирует внимание людей, управляющих и управляемых, не вовне, а внутрь общества. Утверждаемая таким образом *посюсторонность авторитета* государственной власти, критериев ее легитимности и оценки, актуализирует для управляющих не закрепление информационного разрыва, а сохранение информационной общности. В этом случае власть не создает сакральной, недоступной темным массам письменности, а общается с народом на одном, общем для всех языке, в государстве культивируется не тайна божественного начальствования, а *гласность* правления. Общественная природа государства и соци-

альная *ответственность* правящих, сохранивши сакральную санкцию, закрепляются в реформируемых институтах: общинная правда (“естественное право”) воссоздается и пересматривается в публичном праве; цари, жрецы, судьи отправляют роли публичных магистратов; социальный культ трансформируется в гражданскую службу.

Любое государство сильно постольку, поскольку обеспечивает социальное единство. Но в жизни социального единства нет и не может быть: человеческое общество по определению не едино. Именно потому, что общество всегда распадается, ему необходима заветная идея единства и узда государства. Революционное аристотелевское определение города-государства как *единства непохожих* представляется сегодня классической формулой цивилизации. Философский синтез, однако, абстрактен и не устраняет практическую проблему *необходимости-неосуществимости* социального единства. Для открытого государства, энтелехию и энергию которого выразил Аристотель, указанная проблема не менее, а скорее, более актуальна, чем для государства, которое “закрывает” проблему авторитетом и силой незыблемой иерархии.

Корпоративная монополия на государственное представительство социального целого ведет к отчуждению государства, замещению интересов и воли общества интересами и волей государственной корпорации. Однако и отсутствие политической монополии не гарантирует благодати – оно означает лишь спорность иерархии, перманентную борьбу за верховенство и власть. Столкновение множества индивидуальных и корпоративных волей, явная борьба фракций и классов, рознь и крамола – неизбежная плата за повышение степени свободы граждан и открытости государства. Таким образом, открытое государство – не лучший стабилизатор. *Социальная нестабильность* – зло, с которым призвано справиться государство, – оказывается неустранимым следствием социальной открытости. Открытость и нестабильность всегда чреваты кризисом социальных представлений, обычаев и структур.

Кризис амбивалентен: он может быть началом социальной гибели либо моментом социального развития (все зависит от человеческой креативности и солидарности). Так что жизнь в открытом государстве представляет собой постоянное испытание на креативность и солидарность. Это похоже на проклятье, но некоторое утешение можно найти в том, что здесь перед нами проклятье развития. Стимулируя ментальную и социальную сложность, препятствуя политическому окостенению, открытое государство тренирует общественную способность *обретать устойчивость в развитии*.

Институты государственной открытости как нельзя ярче воплощают антиномию “устойчивого развития”. *Прозрачность и подотчетность* власти, *обратная связь* граждан с открытым государством могут рассматриваться как искусственные *системные дестабилизаторы*. Но они актуализируют проблему социального баланса, заставляют искать согласия и основывать государственный порядок на доверии и взаимодействии граждан. Специальные учреждения государственного регулирования могут полезно дополнить, но отнюдь не заменить институты открытого государства в качестве необходимого средства социального развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афанасьева О.В.* Информационная открытость и проблема устойчивого развития // Вопросы философии. 2012^а. № 5.
- Афанасьева О.В.* Закрытое государство и тупики цивилизации. Институциональный исторический анализ // Общественные науки и современность. 2012^б. № 6.
- Боннар А.* Греческая цивилизация. Т. I. От Илиады до Парфенона. М., 1992.
- Борухович В.Г.* История древнегреческой литературы. Саратов, 1982.
- Васильев Л.С.* Проблемы генезиса китайского государства. М., 1983.
- Виннер Р.Ю.* Лекции по истории Греции // *Виннер Р.Ю.* Избр. соч. в 2 т. Т. I. Ростов-н/Д., 1995.
- Джонс А.Х.М.* Гибель античного мира. Ростов-н/Д., 1997.
- История Европы. В 4 т. Т.2. Средневековая Европа. М., 1992.

Кнабе Г.С. Человек и группа в античности // *Кнабе Г.С.* Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1994.

Кофанов Л.Л. Должник и кредитор в праве и жизни раннего Рима // Человек и общество в античном мире. М., 1998.

Крил Х.Г. Становление государственной власти в Китае. Империя Западная Чжоу. СПб., 2001.

Кульпин Э.С. Человек и природа в Китае. М., 1990.

Лидов А. Византийский миф и европейская идентичность // Публичные лекции (<http://www.polit.ru/lectures/2010/04/08/byzantine.html>).

Малявин В.В. Гибель древней империи. М., 1983.

Нефедов С.А. Факторный анализ исторического процесса. История Востока. М., 2008.

Очерки истории Китая с древнейших времен до “опиумных” войн. М., 1959.

Переломов Л.С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981.

Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая. М., 1958.

Фицджеральд С.П. Китай. Краткая история культуры. СПб., 1998.

Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 1998.

Фукидид. История. М., 1981.

Яйленко В.П. Греция и Восток. М., 1989.

© О. Афанасьева, 2013